

Богдан Андреевич Дубенский

Ты, Богдан, назначаешься старшим...

В глубокий тыл вражеских армий «Центр» в район Смоленск-Витебск-Орша мы выехали в ночь на 28 марта 1942 года... А 29 апреля командир отряда вызвал меня (после гибели Сергея Корнилова я был назначен командиром отделения) и бойца Николая Ананьева, поставил боевую задачу: подорвать эшелон противника, направляющийся к Смоленску. «Выходите сегодня ночью, — сказал Бажанов, указал по карте точное место операции на железной дороге, — Операцию сорвать нельзя. Ты, Богдан назначаешься старшим. Желаю удачи. Все». До сих пор не могу забыть особенного чувства ответственности, которое впервые за время нашего пребывания в тылу врага легло на меня. Нас всего двое идет на задание, но я старший, я отвечаю за задание и за своего товарища. С большими предосторожностями мы добирались к железнодорожной насыпи. Прошли трудный и опасный путь.

После выхода из леса нужно было перейти через шоссе Минск-Москва, а затем преодолеть по пояс в холодной воде заросшее кустарником болото. Шоссе патрулировалось немецкими мотоциклистами, освещалось ракетами, да и ночь на 30 апреля выдалась лунной. На подступах к ж.д. насыпи мы посидели в кустах, вслушиваясь в тревожную тишину выбирали наиболее безопасное место для подхода к полотну. Будучи в добротных полушубках, мы дрожали от холода, намкнув насквозь в болоте. Сушиться нельзя, ползем к насыпи. Взобрались. Земля еще не отогрелась и с трудом поддается нашим ломикам, которыми мы готовим лунку для мины на стыке рельсов между шпалами. Начинаем устанавливать мину, но на той стороне насыпи топот ног и немецкая речь. Распластались на склоне насыпи, замерли, кажется, перестали дышать. Почти не отрываясь от земли, перевели автоматы со спины на грудь, готовясь к возможной встрече с немцами, если они вздумают переходить на нашу сторону насыпи.

Вдруг шум поезда, громада движется на нас, неожиданно он со скрежетом тормозит. Не могу вспомнить о том, что подумалось в те страшные секунды. Но поезд не остановился, а резко рванул вперед, осыпал нас искрами из-под колес и проследовал, разделяя нас с теми, кто на другой стороне насыпи. Воспользовавшись этим, мы побежали в направлении движения поезда и скрылись в близких кустах. Нас никто не преследовал, а эта сторона насыпи была нашей, партизанской; здесь вблизи болота и леса мы чувствовали себя в большей безопасности, чем оккупанты. Мы удалились от опасного места, а затем снова поднялись на насыпь и начали устанавливать мину, но вдруг меня перестали слушать мои руки. Чтобы поставить чеку мины на боевой взвод, ее пришлось вытаскивать зубами. От огромного напряжения болели все мышцы, ноги стали ватными. Но мы преодолели до рассвета обратный путь по болоту, через шоссе и залегли на опушке леса. Взрыв оповестил нас, что задание выполнено.

Обратный путь к лагерю уже не казался длинным. Трудно представить наше состояние, когда я с Колей Ананьевым вернулся в отряд и доложил командиру о выполнении задания. Мы были по-настоящему счастливы. «Завтра, в день 1 мая, — сказал Бажанов, — мы будем принимать вас обоих кандидатами в члены нашей партии. Спасибо за службу!». А вскоре связные сообщили, что мы подорвали эшелон с боевой техникой; движение на этом участке враг долго не мог восстановить.